

Такое лексическое явление, как антонимия, представляет собой, с рассматриваемой дихотомической точки зрения, образец бинарной организации слов по смыслу, поскольку антонимы по своей природе живут на двоичном семантическом противопоставлении слов по одному какому-либо признаку.

Есть основания полагать, что дихотомические структуры пронизывают лексическую систему языка по всем направлениям и организуют слова в достаточно четкие и симметричные группировки, что в значительной степени противодействует характеристике лексики только как нежесткой, асимметричной системы с размытыми, колеблющимися границами между ее частями, единицами и компонентами.

¹ См.: Якобсон Р., Халле М. Фонология и ее отношения к фонетике // Новое в лингвистике. М., 1962. Вып. 2.

² Якобсон Р. К общему учению о падеже // Избранные работы. М., 1985. Ср. также дихотомическое описание грамматической категории лица в работе: Исаченко А. В. Бинарность, привативные оппозиции и грамматические значения // Вопросы языкознания. 1963. № 2.

³ См.: Фортунатов Ф. Ф. Сравнительное языковедение // Избранные труды. М., 1956. Т. 1.

⁴ См.: Паулини Э. Краткая грамматика словацкого языка. М., 1982. С. 119—120.

⁵ См.: Лексические минимумы современного русского языка. М., 1985. С. 279—280.

Л. И. СОВОЛЕВА

СЕМНАЯ СТРУКТУРА СЕНСОРНЫХ ГЛАГОЛОВ

А. А. Леонтьев пишет об очевидности идеи «о принципиальном единстве психологической основы ассоциации и семантических компонентов значения»¹. Следовательно, предполагается возможность определить структуру денотативного значения лексем с помощью ассоциативного эксперимента. Наиболее элементарным и богатым материалом для этого может служить лексика ситуативных представлений, какой являются глаголы шума и, вероятно, все сенсорные глаголы. Денотативный прагматический анализ доказал, что при восприятии глаголов шума в сознании носителей языка реализуется целостная денотативная ситуация, т. е. возникает представление о ситуации, одним из элементов которой является звук. Только тогда, когда создана «образная картинка» ситуации, происходит номинация. Можно предположить, что некоторые элементы ситуации в обобщенном, типизированном виде входят в структуру денотативного значения глаголов звучания. Объективная смежность явлений приводит к взаимодействию их номинаций, поэтому элементы денотативной ситуации должны фиксироваться в ассоциатах свободного ассоциативного эксперимента. Ассоциативный компонент значения слова, вероятно, существует «на грани» индивидуальных смыслов, являясь последней ступенью при переходе от значения к индивидуальным смыслам. Если значение «гранулируется» в ассоциациях на уровне индивидуальных смыслов, то возникает возможность обратного процесса: моделирования компонентов значения через обобщение ассоциаций. Хотя сами ассоциации индивидуальны, стратегия их выбора типизирована, значит, существует возможность семантического типизирования ассоциаций. С другой стороны, если более или менее обобщенные ассоциации соответствуют стратегиям выбора слов из лексикона, то нельзя отрицать возможности взаимодействия семантических структур ассоциатов (через семантические компоненты лексем), отражающего связи соответствующих реалий объективной и моделируемой в сознании носителей языка действительности.

Полученные в результате обобщения ряда однородных реакций свободного ассоциативного эксперимента лексемы рассматриваются в качестве гиперонимов, соответствующих семантическим компонентам лексического значения. Семы-гиперонимы лексики ситуативных представлений отражают элементы ситуации (например, сема «источник звука» у гла-

голов шума). Такие семы глаголов речи соответствуют элементам коммуникативного акта и должны отражать основные функции языка и речи. Экспериментально определены семы-гиперонимы, характеризующие информативность речи: оценка информативности, достоверность информации, доступность информации, объект-рема (говорить: что). Составляющие акта общения актуализируются в следующих семах: субъект речи, возрастная оценка субъекта, состояние субъекта (эмотивная функция); цель, результативность воздействия, реакция-поступок (апеллятивная или регулятивная функция); характер отношений между субъектом и адресатом, оценка субъекта (закрепленные пропозиционально рудименты фатической функции); акустические качества речи; место осуществления речи.

Трудности процесса «обратного моделирования» заключаются в том, что не разработаны его принципы, алгоритмы, нет аппарата лексико-семантической типизации ассоциативных реакций, и единственный пока ориентир — лингвистическую интуицию исследователя — нельзя считать объективным. Моделирование денотативной ситуации (т. е. ситуативного контекста) на основе анализа ассоциативного поля слова не более интуитивно, чем традиционный металингвистический анализ речевого контекста с целью определения лексической семантики.

Совершенно очевидно, что, анализируя разные типы лексики, аппарат типизации надо модифицировать, его изменения в первую очередь должны соответствовать семиотическим свойствам данной группы слов. Предположение о возможности моделирования семной структуры денотативного значения глаголов речи с помощью ассоциативного эксперимента появилось в результате анализа наглядно-образной природы глаголов шума, особенностей их семиотического членения, специфики осуществления номинативной функции.

Вероятно, наглядно-образная природа глаголов шума (может быть, и всей сенсорной лексики) явилась причиной многочисленных синестетических языковых метафор, которые возникают при номинации воспринимаемого звука даже вопреки жесткому экспериментальному заданию. В книге Б. Ф. Ломова, А. В. Беляева, В. Н. Носенко² зафиксированы вербальные реакции информантов на звуковые стимулы при изменении пространственных характеристик последних. Реакции должны были называть признаки звука. Несмотря на ограничения экспериментального задания, у информантов появлялись синестетические вербальные реакции, которые можно разделить на четыре группы: а) световые реакции: яркий, тусклый, прозрачный, маленькие вспышки; б) цветовые реакции: черно-белый, однотонный, пастельные тона, окрашенный, красно-желто-зеленый, многоцветные, цветной, розово-голубой, красочные; в) тактильные реакции: сухие, сухой, остренький, острый, притупленный, жесткий, мягкий, упругий, шершавое, тугой, стертый, пушистое; г) визуально-тактильные реакции: сморщенный, лохматое (в данном списке приведена лишь часть реакций каждого из четырех типов).

Экспериментальное задание вызвало самое большое число пространственных ассоциаций (1870 слов), но характерно, что кроме аудио-реакций (643), среди которых более 80 % являются вербализацией какого-нибудь акустического признака звука, получены синестетические реакции (361), число которых в два раза меньше числа аудио-реакций и в пять раз меньше числа пространственных реакций. Но 50 и 20 % не так уж мало, если учесть, что синестетические реакции должны были «пробиваться» (как реализация психических закономерностей) сквозь слой однородных реакций, появление которых стимулировано условиями эксперимента. Фактически, в половине случаев аудио-различия описываются при их восприятии через незвуковые явления. В еще большей степени синестезия проявляется в распределении однородных ассоциаций. Вероятно, чем больше неоднородных ассоциаций, тем активнее механизм восприятия. Основанное на восприятии образное представление вербализуется, «...появляются элементарные обобщения и абстракции... Изменяет-

ся структура образа объекта: одни его признаки как бы подчеркиваются, усиливаются, другие редуцируются. ... Происходит схематизация предметного образа»³. По разнообразию номинаций аудио-реакции ненамного превалируют над синестетическими реакциями (соответственно 60 и 52 неповторяющиеся лексемы), число неоднородных синестетических номинаций в 2,5 раза больше числа номинаций пространственного признака и в 1,5 раза больше числа номинаций качества звука. Полные и обобщенные количественные данные о соотношении типов аудио-, синестетических и пространственных реакций представлены в табл. 1.

Таблица 1

Количественные показатели значимости синестетических, пространственных и аудио-реакций на звуковой стимул

Типы реакций	Общее число словоупотреблений (I)	Число однородных реакций (II)	Состав I	Состав II
Световые (С)	140	13	3,2	2,9
Цветовые (Ц)	34	11	0,8	2,5
Тактильные (Т)	145	19	3,3	4,3
Визуально-тактильные (В+Т)	43	10	1	2,3
Визуальные: С+Ц	174	24	4	5,4
С, Ц, Т	219	43	5	9,7
Т, В+Т	187	28	4,3	6,3
С, Ц, Т, В+Т	361	52	8,2	11,7
Пространственные	1870	20	42,5	4,5
Номинация звука (Н)	120	26	2,7	5,8
Качество звука (К)	523	34	11,9	7,7
Аудио-реакции (Н+К)	643	60	14,6	13,5

Психолингвистический механизм номинации с помощью сенсорной лексики заключается в том, что особенности типа восприятия обуславливают актуализацию той части лексикона, которая соответствует не воспринимаемой реалии, а каналу восприятия (визуальная и тактильная лексика служит для названия акустических явлений). Поскольку психически значимы наиболее простые (тактильный) и наиболее информативные (зрительный) каналы восприятия, более дифференцированно называются признаки, соответствующие этим каналам восприятия.

Взаимозамещения слов разных семантических групп, образующих семантическое поле сенсорных глаголов, зависят, с одной стороны, от психических закономерностей (синестезия восприятия), с другой стороны, от семиотических свойств сенсорной лексики, специфика которых заключается в том, что целостная денотативная ситуация звучания реализуется в семантике даже прагматически значимых глаголов речи. Например, актуализация семы «эмоциональное состояние субъекта» в глаголе «кричать»: «Что ты на меня кричишь», — когда «ты» говорит, возможно, шепотом, но раздраженно, зло. Происходит смещение значимостей элементов денотативной ситуации, и в значении собственно глаголов звучания начинают преобладать семы, соответствующие незвуковым элементам денотативной ситуации; вербализации этих элементов в ассоциативных полях традиционно определяют (что по отношению к глаголам звучания неверно) как лексику семантических полей, метонимически смежных с семантическим полем слова-стимула.

Для того чтобы определить особенности семной структуры денотативного значения глаголов речи, были проанализированы и обобщены реакции ассоциативных экспериментов с 22 славянскими глаголами. С одиннадцатью глаголами русского языка был проведен свободный ассоциа-

Таблица 2

Количественные показатели основных типов
ассоциативных реакций на глаголы речи

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII	XIV	XV	XVI
Говорить	8	7,6		17				2,8		2,2	3,8				2,7	7,6
Кричать	16		6		17	3,3		2,8							3,5	
Орать	20	4	6	4,2		7		4							3,6	11
Горланить	8	17	5	5,2	6	3		7								
Болтать					16	4,4		9,3		17				8		
Ворчать		5,6	21			3,5	32	1,4								
Бормотать	25	4	12			12	8,5	3		4						
Шептать	20	15			5							10				
Пищать	12	32			9,5	4,3		2		1,9						
Визжать	13	33	7		3,8	6,5		5								
Ответить			1						48		16				1,6	
Обещать		1,5		62							5		1,6		1,6	
Адказаць		1,2	2,5	13					45	2,7	5		3,8		1,9	
Абяцаць				63							10		3,5			2
Упэўніць		1,6	5,7	16		18							13		2,9	
Розмовляти	49					5					1,2		36			
Казвам				33							3,3		9	1		
Обещавам				26						1,3	40					
Заповядвам				9	5,5			2,7								
Povedat'		2,6		36							1,7				3,9	
Rechnit'		10		5	10	5				2,9						7,5
Sepkat' si	16	2		9							6	8,7		5	7,2	

тивный эксперимент (слова «пищать» и «визжать», по условиям эксперимента, оценивались как глаголы речи), ассоциативные поля одного русского глагола («ответить») и всех иноязычных глаголов анализировались с помощью словарей ассоциативных норм⁴. В табл. 2 зафиксированы количественные показатели основных типов реакций каждого глагола: I — качество звука, II — субъект, III — состояние субъекта, IV — объект-рема, V — место, VI — результативность речевого воздействия, VII — возрастная оценка субъекта, VIII — оценка субъекта, IX — стимул, X — оценка информативности, XI — достоверность информации, XII — доступность информации, XIII — адресат, XIV — характер отношений субъекта и адресата, XV — цель, XVI — условия. Значимыми для слова-стимула считаются только те типы реакций, совокупность гипонимов которых составляет не менее 1 % от общего числа реакций. Значимость типа реакций для всех названных глаголов может определяться двумя способами: либо суммированием численных показателей реакций данного типа на все глаголы-стимулы (см. графу «количество ассоциаций» в приведенном ниже списке); либо частотностью данного типа реакций: чем больше слов-стимулов имеют реакции данного типа, тем более значимым он является. Конкретизируется данное утверждение в численных показателях следующего списка: а) количество ассоциаций: 298(IV); 187(I), 137(II), 93(IX), 92(XI), 73(V), 72(VI), 67(XIII), 66(III); 41(VII), 40(VIII), 32(X), 28(XVI), 27(XV); 19(XII), 14(XIV); б) число слов-стимулов: 14(II), 13(IV), 11(VI), 10(I), 10(VIII), 10(XI), 9(III), 8(V), 8(XV); 7(X), 6(XIII), 4(XVI), 3(XIV), 2(VII), 2(IX), 2(XII). Цифра в скобках обозначает порядковый номер типа реакций. Вероятно, семантическими компонентами денотативного значения глаголов речи можно считать те типы реакций, в которых максимально проявляются и коррелируют оба вышеназванных показателя.

Максимально выраженными и частотными одновременно являются семы: объект-рема (содержание и форма передачи информации), акустические качества звука, субъект, достоверность информации, результативность речевого воздействия, состояние субъекта речи. Сумма гипонимов этих сем-гиперонимов составляет не менее одной пятой численного показателя самой значимой семы. Типизированная реакция «стимул» малочастотна, потому что появляется только как конверсив, например: ответить — спросить; а сема «адресат» обладает малой частотностью потому, что возможность появления реакций в косвенных падежах не оговорена в экспериментальном задании к глаголам русского языка. Семы «состояние субъекта», «цель речи» высокочастотны, но их гипонимы имеют малые численные показатели (менее 5 %). Остальные шесть сем менее значимы в семантике глаголов речи, потому что конкретизируют более общие семы: «оценка субъекта», «возрастная оценка субъекта», «характер отношений субъекта и адресата» уточняют сему «субъект»; «доступность информации» и «оценка информативности» дополняют семы «объект-рема», «достоверность информации»; сема «цель речи» имплицитно присутствует в семе «результативность воздействия».

Цель данной работы — доказать возможность выявления семантических компонентов сенсорных глаголов с помощью ассоциативного эксперимента. Поэтому в список слов-стимулов были включены не только собственно глаголы речи пяти славянских языков, но и периферия данного семантического поля (например, слова «обещать», «ответить»), и глаголы, где подразумевается сема «речь» («упэўніць», «заповядвам»); и глаголы шума, употребленные в «речевом» значении. Экспериментально выявлены наиболее частотные семы, но для более точного определения специфики семной структуры лексемы необходимо сравнить значимость ассоциативных реакций по двум названным принципам у всех глаголов речи в каждом из славянских языков. Интересно также объяснить расхождение экспериментальных данных и лексикографического толкования значения слова.

Чем выше значимость семы-гиперонима, тем активнее она должна

стимулировать лексическую сочетаемость и, следовательно, лексико-семантическое варьирование. Наиболее частотные семы, являясь катализатором лексико-семантического изменения (иерархия значений) и развития (приращение значений), обладают стабилизирующей и стимулирующей функциями; единство и противоречие последних и определяет развитие лексической семантики. Следовательно, чем больше значимых гиперсем содержит лексема, тем больше вероятность их реализации в отдельном значении слова и дивергенции значений вплоть до появления нового слова, т. е. лексикализации гиперсем. Насколько это верно и как конкретно осуществляется этот процесс, позволит выяснить анализ данных исторических и этимологических словарей.

¹ Леонтьев А. А. Общие сведения об ассоциациях и ассоциативных нормах // Словарь ассоциативных норм русского языка / Под ред. А. А. Леонтьева. М., 1977. С. 10.

² См.: Ломов Б. Ф., Беляев А. В., Носенко В. Н. Вербальное кодирование в познавательных процессах. М., 1968.

³ Там же. С. 7.

⁴ Словарь ассоциативных норм русского языка / Под ред. А. А. Леонтьева; Цитов А. І. Асацыятыўны слоўнік беларускай мовы. Мінск, 1981; Бутенко Н. П. Словник асоціативних норм української мови. Львів, 1979; Български норми на словесни асоциации / Под ред. Е. Георганов. София, 1984; Mařálová L. Slovo — asociačné normy. I—II. Bratislava, 1972—1974.

Н. С. МАЖЭЙКА

НЕКАТОРЫЯ АСАБЛІВАСЦІ УЖЫВАННЯ ПРЫМЕТНІКАЎ КОЛЕРУ ў РАМАНЕ У. С. КАРАТКЕВІЧА «КАЛАСЫ ПАД СЯРПОМ ТВАІМ»

Спецыфічнай прыкметай прадметаў і з'яў, якая перш за ўсё кідаецца ў вочы і ўзмацняе ўспрыманне і вобразнасць, з'яўляецца колеравызначэнне. Відаць, невыпадкова самі пісьменнікі называюць адной з сумежных з літаратурай галін мастацтва жывапіс, таму што толькі «живопись, работа художника может научить писателя точно видеть и запоминать, а не только смотреть»¹. Такім талентам «бачыць» валодаюць лепшыя майстры слова, сапраўдныя мастакі. Валодаў гэтым талентам і У. С. Караткевіч, жывапісная манера якога не можа не выклікаць захаплення. Дасягаецца гэта ў значнай ступені за кошт выкарыстання лексікі, звязанай з колеравымі абазначэннямі, і ў першую чаргу за кошт выкарыстання прыметнікаў, якія абазначаюць колер, характар альбо ступені інтэнсіўнасці афарбоўкі, ступені асветленасці.

Прыкладам можа быць мова рамана «Каласы пад сярпом тваім», у якім выкарыстана 1767 названых прыметнікаў (прыметнікі тыпу: сінявокі, чырвонатвары і да т. п. не ўлічваліся), што складае каля 0,8 % агульнай колькасці (прыкладна 226 тыс.) словаўжыванняў у рамане. З іх 238 — розныя. Гэта дастаткова высокі паказчык, які сведчыць аб шырыні і разнастайнасці колернай палітры пісьменніка, бо ў Частотным слоўніку (мастацкая проза)² на 290 тыс. словаўжыванняў зафіксавана толькі 1318 такіх прыметнікаў, з іх розных — 154, што складае каля 0,45 % агульнай колькасці словаўжыванняў (пры ўмове, што адносныя прыметнікі тыпу *дымны, пясочны* і інш. ужыты ў значэнні колеравых, як і ў Караткевіча).

Натуральна, што асобая роля належыць пэўным прыметнікам пры апісанні карцін прыроды, якія даюцца аўтарам не ў агульных рысах, а дастаткова канкрэтна. У. Караткевіч кожную пару года малюе сваімі фарбамі. Ён бачыць, як зімой асыпаецца «з галін *іскрыста-сіні...* снежны пыл», што «*змярцвела-сіні...* стаіць парк... *Бледнаватыя* невыразнага колеру плямы ад шыбінак ляжаць на сценах. *Чырвонае* здаецца... *ружовыя, сіняе — шэрым*», што снег ляжыць «*белымі шатамі*», а вакол «*сінія дрэвы, сумёты, пранізліва-сінія іскры зор*. Няпэўныя колеры... на *белых*